

Но музыка уже слышна...

Художники, как правило, не очень-то любят, когда источник их творческой манеры ищут в других видах искусства, особенно — в литературе. Их резоны понятны: каждый настоящий мастер — самодостаточен. И с этим не поспоришь. Но все же, как непреложно справедлив постулат: "Все мы родом из детства", так и закономерен, на мой взгляд, поиск силового поля, в котором сформировались и мировоззрение художника, и выбор им стиля, технологий, профессиональных приемов.

При первом знакомстве с работами Оксаны Спиндовской-Паламарь я сразу же вспомнил о городе золотом, где гуляют "животные невиданной красоты", но затем все громче, заглушая современного барда, зазвучали голоса выдающихся поэтов начала 20 века, которых объединяет исключительное понимание единства всего сущего на Земле, преклонение перед Природой и ее воплощениями.

Если Николай Гумилев воспевал в своих дивных романтических стихах диких зверей, населяющих саванну Африки: "на озере Чад изысканный бродит жираф", то Николай Заболоцкий посвятил незабываемые строки тем, кто рядом с нами, под одними знаками Зодиака: "спит животное собака, дремлет птица воробей".

Одна из самых пронзительных работ Оксаны, "Птица-Соловей", изображает вовсе не пернатое из соответствующего птичьего семейства, а трепетное и вдохновенное создание из рода Поэтов, провозглашающее то ли с пьедестала, то ли с табуретки: "Я песню прочитал и унесся с ветром... В дороге многое узнал и песню переделал эту". И под стихами, и на холсте — подпись автора: Оксана Спиндовская-Паламарь.

Соловушка облачен Природой в скромный наряд и не блещет оперением, зато розовые фламинго и грациозные (невзирая на некоторую громоздкость) пеликаны словно созданы для того, чтобы позировать художникам. Для Оксана они — не только модели для демонстрации мастерства в изображении утонченной и экзотической природы, но и метафора. Знак и Гармонии, и Беды: вспомним, что в сюжетах с чудо-птицами то и дело появляется Стрела, а значит, где-то рядом и Тот (или Та), кто только что спустил тетиву...

Впрочем, скорее всего, их вовсе и нет в мире, населенном воображением художника. Здесь жуки справляют свой день рождения, а коты ходят с хозяевами на рыбалку, более схожую с философскими посиделками на берегу.

А если кто из "двуногих" и встретится нам в границах ее Ойкумены (пространства, населенного разумными существами, — так у эллинов), то учтивые всадники, а более всего — пленительные девушки, то дремлющие в предчувствии рассвета, то охорашивающиеся после него...

И еще один великий поэт вспомнился мне в мастерской Оксаны — Александр Пушкин: "Да здравствуют юные девы и юные жены, любившие нас!". И еще — Владимир Набоков: все барышни на ее холстах — немного Лолиты, хотя, судя по всему, и не помышляют об обольщении повидавших жизнь журналистов. В них — в их абрисах и пластике — нет ничего подчеркнуто эротического, и "конкретно" чувственного, но порой линия, не доведенная до логического конца, говорит чуткому воображению больше, чем стереоскопическая анатомия...

Эти заметки не претендуют на академичность. Она — удел профессиональных искусствоведов, которые, уверен, всерьез займутся осмыслением творчества Спиндовской-Паламарь и таки найдут компетентное научное объяснение особенностей ее стиля, и найдут его истоки.

Я же, завершая свои размышления, назову работу, более всего близкую мне, — "Билли Холидей перед концертом". Великая джазовая певица положила черную руку в белой перчатке на черный телефон. Она ждет звонка, хотя пора выходить на сцену. Лицо Билли не прописано, как у большинства героинь Оксаны. Но музыка уже слышна...

